

Почему я не вернусь в Советский Союз
«Дочь Сталина вернулась в Москву... Я тоже хотел бы вернуться, но вернуться в прошлое нельзя»
Александр Зиновьев: «Возвращаться некуда, возвращаться незачем, возвращаться нечему».

Рукопись А.А.Зиновьева из фонда Александра Зиновьева в
Исследовательском институте Восточной Европы при Бременском
университете (Германия)

Я хочу вернуться в Россию, но я никогда не вернусь туда. Многие видят в этом противоречие. Но никакого противоречия тут нет. В русском языке слово «хочу» имеет смысл абстрактного желания и конкретного намерения сделать что-то. Можно хотеть сделать что-то, не имея намерения делать это и даже имея намерение не делать это. У меня нет намерения возвращаться. Более того, у меня есть твердое намерение не возвращаться, хотя у меня есть страстное, мучительное желание вернуться. И дело тут не в логических двусмысленностях и тонкостях нашего русского языка. Дело тут в реальной однозначности и грубости нашей русской жизненной ситуации. Дело в том, что возвращаться некуда, возвращаться незачем, возвращаться нечему. Зачем возвращаться домой, если я и здесь чувствую себя как дома? Судите сами! В Москве мои правоверные советские друзья и коллеги делали на меня доносы во все инстанции и усиленно создавали мне репутацию антисоветчика и порою даже американского шпиона. Я не был ни тем, ни другим, и это знали все. И все же клеветнические доносы коллег и друзей сделали свое дело. Они задолго до того, как я написал «Зияющие высоты», оборвали мою научную деятельность в Советском Союзе и сделали мою жизнь там практически невозможной. То же самое я переживаю здесь на Западе, только с обратным знаком: люди, которые, казалось бы, должны были бы быть соратниками и друзьями, обвиняют меня в том, что я – апологет советского общества и даже советский агент на Западе. Цвет клеветы другой, а сущность та же. Московским клеветникам потребовалось около десяти лет, чтобы задушить меня как ученого. Сколько лет потребуется клеветникам, живущим здесь на Западе, чтобы задушить меня как писателя? Здесь демократия. Здесь это можно сделать быстрее. Возвращаться домой – какая это чудовищная нелепость в применении к такому случаю, как мой! Думать о возвращении, будучи на сто процентов уверенным в том, что тебя туда не пустят или что тебя туда пустят на таких условиях, на какие ты не пойдешь никогда и ни при каких обстоятельствах!?. Пережить страшную историческую трагедию, прожить жизнь, которая тебе самому теперь кажется кошмарным вымыслом, и после этого разменять все это на мелкие житейские расчеты и помыслы!?. Да и в этом ли дело, чтобы покинуть родину или вернуться на родину!?. Я принадлежу к поколению, которое было порождено революцией и убито ее последствиями. Мы впитали в себя самые светлые идеалы революции, пережив самое жестокое разочарование в мрачной реальности этих идеалов. Для таких, как я, нет проблемы расставания с родиной, как нет проблемы возвращения на родину. Даже покинув родину физически, мы душой остаемся там. Но, живя на родине или возвращаясь на родину телом, мы остаемся там все равно чужими душой. Наше положение безвыходное. Мы суть отщепенцы истории, волею

случая зажившиеся на земле. Наша ситуация есть явление историческое, а не географическое, не прагматическое и даже не политическое. Повторяю и подчеркиваю: возвращаться нам некуда, возвращаться незачем, возвращаться нечему. Той России, куда мы могли бы вернуться, просто нет на земле. И нас самих давно уже нет, есть лишь призрак существования и ожидание исполнения лишь отсроченного приговора истории. И все то, что придавало смысл нашей жизни, давно исчерпало себя, испарилось в ничто, уступив место всему тому, что было чуждо нам по условиям нашего появления в человеческой истории, и останется чуждым до полного нашего исчезновения.

Куда бежать и куда возвращаться, если все то, что породило нас и создало в нас иллюзию духовного богатства, было оплевано, испоганено, изуродовано и оклеветано как тут, так и там ?!

Я знаю, что я останусь непонятым и на этот раз. Я знаю, что и эти мои слова будут истолкованы и ополнены в духе современного способа мышления, на редкость поверхностного, хаотичного, безответственного. Меня это не пугает, я к этому давно привык. Но все же я не могу сейчас обойти молчанием главный вопрос моей жизни: что мы такое есть? Семнадцатилетним мальчишкой, голодным, оборванным, преследуемым, как затравленный волчонок, всесильными «органами», я дал себе клятву всю жизнь посвятить раскрытию сущности реального коммунизма, – моего родного и враждебного, породившего меня и убивавшего меня, единственно приемлемого и ненавистного коммунистического дома. Теперь, прожив долгую и нелегкую жизнь, я могу сказать себе: я свою клятву сдержал, несмотря ни на что. Сдержал во многом благодаря тому, что я покинул свой дом, вернее – был выброшен из него помимо своей воли. Я не предал тем свою Россию. Совесть моя чиста. Наоборот, лишь таким путем я смог остаться верным ей. Россия сама предала меня, как и многих других своих верных сынов. Она породила меня именно таким, каким хотела, но беспощадно расправилась со мною именно за то, что я искренне и серьезно воспринял ее намерения. Когда я понял, что эти намерения были лицемерны, было уже поздно. Я уже не смог бы превратиться в обычного советского прохвоста, если бы даже захотел. Возвращение в Россию сейчас возможно лишь при условии отказа от всего того, чему была посвящена вся моя жизнь. Именно это было бы предательством по отношению к самому себе и по отношению к моей исторической родине. Я не вернусь в Россию еще и потому, что не хочу заканчивать свою жизнь, предательством. Я употребил выше выражение «историческая родина», а не просто родина. Это не случайно. Новым поколениям может быть трудно это понять, ибо такое явление характерно лишь для эпохи непосредственно послереволюционной. Для многих представителей моего поколения Родина неразрывно срослась с Эпохой, причем Эпоха заслонила собою Родину и оттеснила ее на задний план. Мы – дети трагической Эпохи, мы несли и несем (те, кто случайно уцелел) эту трагедию в себе самих. А из трагедии нельзя убежать. И трагедия не имеет счастливого конца. Куда бы судьба ни заносила нас, мы намертво привязаны к нашей эпохе, а не к месту в пространстве. Пространство осталось, а эпоха ушла в прошлое. Убежать из прошлого нельзя. Но вернуться в него тоже невозможно. Возвращаться некуда. Возвращение иллюзорно, как и побег. То, что называют возвращением, может быть лишь случайной развязкой закономерной гибели. У случайно уцелевших осколков истории нет никакого будущего.

Дело, повторяю, не столько в РОДИНЕ, сколько в ЭПОХЕ. Для нас Родина

настолько срослась с Эпохой, что в своем доме мы оказались чужими. И мы покинули его. Вернувшись назад, мы у себя дома почувствовали бы себя еще более чужими, чем на чуждом нам Западе. Выхода нет. Наша настоящая Родина исчезла вместе с нашей Эпохой. Тут мало сказать, что мы переживаем ностальгию по нашей юности, – юности у нас фактически не было. Тут надо говорить об историческом отчаянии. Если это – ностальгия, то ностальгия по тому, что должно было бы быть, но не состоялось. Вернуться в Россию, домой, – что еще может быть соблазнительнее для человека, для которого чужд любой Запад с любыми его благами, который был рожден в ненавистном коммунизме, был приучен жить в нем и был волею обстоятельств обречен на безнадежную борьбу против него, оставаясь в нем?! Но куда вернуться? И зачем? Сегодняшняя Москва – это не то, откуда нас выбросили или откуда мы бежали сами. Хрущевские годы, вследствие которых мы оказались на Западе, были годами массового осмысления пережитой нами эпохи. И результатом их явилось еще более массовое разочарование в будущем. Хрущевская эпоха лишь сорвала покровы с того сооружения, которое построили в сталинские годы. Стало ясно, что оно построено на века, и мы уже ничего не можем в нем перестроить. Брежневская эпоха смела тех, кто ужаснулся построенному. В Москве для нас осталась лишь серая и унылая трясина жизни, но уже без тех, кто осознавал ее как трясины и хотел хоть как-то взбаламутить ее хотя бы из личного протеста против всего на свете. Возвращаться, повторяю, некуда. У нас не осталось корней в нашем собственном доме. Надо родиться заново и пережить что-то иное, очень значительное, чтоб осознать себя там своим. Для нас, детей нашей жуткой и беспрецедентной Эпохи, нет места здесь на Западе, – мы не можем играть чуждые нам роли в чуждом нам историческом спектакле. Но и возвращение в Москву для нас есть на самом деле отдаление от нее в бесконечность и навечно. Возвращаться некуда, возвращаться незачем, и уже не осталось ничего такого в тебе самом, что способно возвратиться.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Мюнхен, 12 ноября 1984

От редакции:

Статью А. Зиновьева мы получили от редакции журнала «Континент», в сорок третьем номере которого она тоже будет опубликована. Редакция журнала «Континент» считает необходимым возможно скорее познакомить русскую и зарубежную общественность с этой статьей и поэтому попросила нас опубликовать ее сейчас, одновременно высказывая намерение начать широкую дискуссию вокруг статьи, которую она считает чрезвычайно интересной и актуальной, сразу же после ее публикации в «Континенте». «Р.М.» с удовольствием идет навстречу желанию редакции «Континента», так как нам представляется важным понять до конца точку зрения и образ мышления выдающихся деятелей российского зарубежья.